

ГАВРИЛОВ Д. В.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УРАЛА В ПРЕДИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

В середине XIX в., когда в металлургической промышленности большинства государств Европы и США уже широко применялось каменноугольное топливо, лишь в двух европейских странах — Швеции и России — продолжала безраздельно господствовать древесноугольная металлургия. Этому способствовали исключительно благоприятные для обеих стран географические и природно-климатические факторы: огромные массивы еще нетронутых хвойных и лиственных лесов, крупные залежи высококачественных железных руд, большие запасы гидравлической энергии во множестве горных рек и речек, удобство транспортировки готового железа по внутренним водным путям.

Характерной особенностью древесноугольной металлургии было использование ею очень большого количества вспомогательных рабочих, занимавшихся заготовкой и перевозкой руды, древесного угля и дров. По подсчетам шведских исследователей на металлургических заводах Швеции вспомогательные рабочие обеспечивали выполнение около 3/4 всех производимых там работ. На уральских металлургических заводах в прединдустриальный период на цеховых работах было занято от 1/5 до 1/4, на вспомогательных работах — от 3/4 до 4/5 всех рабочих.

Обеспечение металлургических заводов рабочей силой, в особенности многочисленным контингентом неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих, в Швеции и России осуществлялось различными способами.

В Швеции, где использование руд традиционно считалось королевской прерогативой и объектом государственной юрисдикции и пользовалось их покровительством, со времен средневековья железоделательное производство осуществлялось трудом особого сословия свободных «горных людей» — бергманов обеспеченных специальными фискальными привилегиями. Бергманы частично занимались сельским хозяйством, но их основной обязанностью считалось занятие горным делом.

Двор, хутор бергмана представлял самостоятельное владение состоявшее из земли и расположенных на ней дома, хозяйственных строений, огорода, покоса и т. п. Бергман с членами своей семьи и нанятыми им наемными работниками или совместно с другими бергманами заготавливал древесный уголь, добывал

руды, плавил ее, перековывал чугуи в железо. В коллективной собственности бергманов во многих районах находились доменные печи, а в ряде случаев — и передельные заводы.

Однако примерно к середине XIX в. бергманы уже в значительной степени были оттеснены от металлургического производства. Большинство их из самостоятельных производителей металлов превратились в поставщиков руды, древесного угля, дров и сырого материала — чугуна для передельных заводов, а многие уже совершенно потеряли хозяйственную самостоятельность и в качестве наемных рабочих вели на заводах плавку чугуна и выковку железа.

Вольнонаемные рабочие, занятые на шведских металлургических заводах квалифицированным трудом, комплектовались из свободных людей — пролетариев и полупролетариев, а также из потерявших самостоятельность бергманов. Для занятия должностей мастеров, плавильщиков, кузнецов и т. п. необходимо было представить письменное свидетельство, подтверждавшее квалификацию, выдержать экзамен, показав на практике свое умение, произнести особую клятву¹.

Труд вольнонаемных рабочих и свободных бергманов, высокая производственная квалификация мастеров и техников, постоянная забота Королевской Бергколлегии и Железной конторы об усовершенствовании техники железного производства обеспечили высокую производительность труда и высокое качество шведского железа, позволявшее успешно конкурировать на мировом рынке.

На Урале на формирование рабочих кадров горнозаводской промышленности наложили своеобразный отпечаток отдаленность и оторванность края от центра страны, особенности его заселения и освоения, обусловленные господством в стране феодальной командно-административной бюрократической системы. Их суть очень верно выразил обыватель одного из уральских заводов в бесхитростной фразе: «Крестьяне вообще были населены на Урале с целью работать заводовладельцам»².

В начале XVIII в., когда на Урале развернулось строительство крупных металлургических заводов, край представлял очень слабо заселенную территорию, покрытую дремучими лесами. Важнейшим препятствием для его промышленного освоения стала проблема обеспечения вновь строившихся заводов рабочей силой. Трудность ее решения заключалась не только в отдален-

¹ Очерк Норбергского горного уезда в хозяйственном отношении // Горный журнал. СПб., 1839. Кн. 1. С. 28-29; Богословский. Очерк шведских горных постановлений // Там же, 1839. Кн. 8. С. 277-278, 283.

² Бабушкин П. Д. Письмо в комиссию по исследованию кустарной промышленности в России от 19 февраля 1887 г. // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1887. Вып. XVI. С. 594-595.

ности и малонаселенности края, но и в узости в стране внутреннего рынка рабочей силы.

Правительство решило эту проблему чисто бюрократически, крепостническими, принудительными и насильственными методами.

Одним из главных способов обеспечения заводов рабочей силой стала приписка к ним государственных крестьян, начало ей положил указ Петра I от 9 января 1703 г., по которому к Невьянскому заводу Н. Демидова были приписаны Аятская и Краснопольская слободы и село Покровское. По мере строительства новых заводов численность приписных быстро увеличивалась, приписывались даже деревни, расположенные от заводов за 200—600 верст. Приписные должны были отработать на вспомогательных заводских работах свою подушную подать.

Низкая эффективность труда приписных крестьян, их постоянные отказы от заводских работ и массовые волнения заставили правительство взять курс на ограничение, а затем и отмену института приписных. Указы Екатерины II от 8 августа 1762 г. и 27 мая 1769 г., манифест 21 мая 1779 г. резко ограничили приписку крестьян к заводам, увеличили в два раза расценки за выполняемые ими работы, освободили от выжига угля и добычи руды, ввели оплату за дни, проведенные в пути на завод и обратно. Указами 9 ноября 1800 г. и 15 марта 1807 г. категория приписных была ликвидирована. Они были заменены постоянными «непременными» (на казенных заводах — «урочными») работниками, набиравшимися из бывших приписных из расчета по 58 чел. на тысячу душ мужского пола³.

Важным способом обеспечения заводов рабочей силой стала покупка крепостных. Указом Петра I от 18 января 1721 г. было разрешено всем мануфактуристам, независимо от их происхождения (ранее такое право имели только дворяне), покупать крестьян, но при условии, чтобы они «всегда были уже при тех заводах неотлучно». Эти крестьяне (их стали называть посессионными) становились собственностью не заводчика, а завода, их можно было продавать, передавать по наследству и т. п. уже только вместе с заводом. Позже было установлено, что заводчик мог купить к каждой доменной печи 100 крестьянских дворов, к молоту — 30 дворов, считая в каждом дворе по 4 работника. Однако в связи с массовыми волнениями заводских мастеровых указом Петра III от 29 марта 1762 г. дальнейшая покупка крестьян к заводам была запрещена⁴.

³ Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 2; Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 280, 350, 352, 365-366; Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 122-124; и др.

⁴ Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 292, 327-328; Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 94-95.

Для заводчиков-дворян наиболее распространенным способом обеспечения заводов рабочими кадрами являлось переселение крестьян или мастеровых из других своих вотчин или покупка для этой цели крепостных крестьян у других помещиков в центральных губерниях.

В результате покупок и переселений на уральских заводах сложился очень пестрый состав мастеровых и работных людей. Так, на Нижне-Тагильский завод Демидовыми были переселены мастеровые из тульских заводов и крестьяне из украинских губерний. Главную массу населения Катав-Ивановского и Усть-Катавского заводов составили крестьяне Рязанской, Тамбовской и Смоленской губерний, купленные заводчиками Мясниковым и Твердышевым. На Саткинский завод часть рабочих была переведена графом А. С. Строгановым из его пермских вотчин, а затем заводовладелец Л. И. Лугинин перевел сюда своих крепостных людей с Тульской полотняной фабрики и купленных крепостных крестьян из ветлужских вотчин. Население Усень-Ивановского завода Бенардаки составили бывшие мещане г. Балахны, при ревизии несправедливо записанные в крепостное состояние и переселенные на Урал⁵.

Основным источником комплектования рабочих кадров казенных заводов стала присылка рекрутов. Указом Петра I от 14 июля 1725 г. было предписано приписным крестьянам поставлять рекрутов не в армию, а «в заводские работы и обучать всякому ремеслу». В середине XVIII в. на отдельных казенных заводах рекруты составляли до 70—90 % всего персонала. В 1845—1854 гг. в Богословском округе из-за сурового климата, болотистой местности, тяжелого труда, плохого питания и эпидемий умерло 905 и бежало 688 человек. Горное начальство требовало восполнить убыль в рабочих руках путем присылки новых рекрутов. Правительство отправляло на заводы также бродяг, проституток, арестантов, пленных и т. п.⁶

Особую многочисленную группу мастеровых и работных людей составили так называемые «отданные по указу» («вечноотданные»). Уже в первую ревизию (1719 г.) многие работавшие на заводах «пришлые», «сходцы», беспаспортные, старообрядцы-раскольники, добровольно пришедшие на заводы, были «положены в подушный оклад», то есть причислены к крепостным. Указами 12 ноября 1836 г. и 29 марта 1738 г. все пришлые люди и члены их семей были оставлены при заводах навечно.

⁵ Швецов В., Петров К. Из прошлого Южно-Уральских заводов // Записки Златоустовского окружного общества краеведения. Златоуст, 1927. Вып. 2. С. 27-29; и др.

⁶ Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 218; Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 321-322; Блинов М. Историко-статистический очерк Богословских заводов // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1855. Т. XIV. Отд. 3. С. 69, 77.

В 1746 г. к «вечноотданным» были отнесены все «непомнящие родства». Заключительным актом стал указ от 30 октября 1755 г., который окончательно уравнил всех вечноотданных с прочими категориями крепостных заводских людей⁷.

В конце XVIII в. (по данным V ревизии 1795 г.) в уральской горнозаводской промышленности насчитывалось 86,4 тыс. мастеровых и работных людей и 212,7 тыс. приписных крестьян мужского пола. В середине XIX в. (по данным X ревизии 1858 г.) при уральских горных заводах и промыслах находилось 329,3 тыс. душ мужского пола крепостных мастеровых, непременных и урочных работников⁸.

Этот контингент не только полностью обеспечил рабочей силой уральскую горнозаводскую промышленность, но и создал ее излишек. Значительную часть крепостных к концу прединдустриального периода освободилась от заводских работ и занялась ремеслами, кустарными промыслами, торговлей, извозом. В 50-х гг. XIX в. на Урале в заводских работах не участвовали 24—25% мастеровых, непременных и урочных работников. Вместо отбывания «обязательных работ» они платили оброк или нанимали за себя посторонних лиц. После отмены в 1861 г. крепостного права 62 тыс. мастеровых, непременных и урочных работников сразу же прекратили связь с заводами и всецело занялись сельским хозяйством, торговлей и промыслами¹⁰.

Уральские металлургические заводы XVIII — первой половины XIX в., с их техникой мануфактурного периода, работали очень неравномерно. Б. Б. Кафенгауз писал: «Надо отказаться от привычного для людей XX в. представления о заводах, и особенности металлургических, как о непрерывно, безотказно действующем и отлично слаженном механизме... Это свойство крупной индустрии, с ее системой машин и научной организацией. Совсем иное встречает нас в металлопромышленности XVI и первой половины XVIII в., с вододействующими заводами которые зависели от водного режима мелких и капризных речек с их бурными весенними потоками и недостатками воды в сухом летнее время»¹¹.

Не только в XVII — первой половине XVIII в., но и во второй половине XVIII в. и первой половине XIX в., до внедрения машинной индустрии, из-за недостатка воды в прудах, прорывов

⁷ Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России XVII—XVIII вв. М., 1963. С. 426; Черкасова А. С. Указ. соч. С. 121, 130.

⁸ История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 312-313; Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861-1900. М., 1985. С. 29.

⁹ Сметанин С. И. Разложение сословий и формирование классово-структуры горнозаводского населения России. 1800-1861 // Исторические записки. М., 1978. № 102. С. 178.

¹⁰ Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 208.

¹¹ Кафенгауз Б. Б. Указ. соч. С. 199-200.

плотин вешними водами, отсутствия руды или древесного угля, необходимости ремонта печей и механизмов металлургические заводы ежегодно бездействовали от двух-трех до шести и более месяцев.

На большинстве рудников работы производились открытым способом и велись только летом. Рубка дров осуществлялась весной и в начале лета, углежжение велось осенью и в начале зимы. Большая часть заводских грузов перевозилась гужевым транспортом зимой, по санному пути.

Неравномерный, неритмичный, сезонный характер заводского производства сказывался на организации труда и социальной структуре рабочих кадров тогдашней уральской металлургии.

Только в основных цехах имелись постоянные рабочие, обладавшие определенной квалификацией, полученной практическим, опытным путем через передачу трудовых навыков от мастера его ученику, чаще всего от отца — сыну. Число цеховых рабочих составляло в XVIII в. от 7 до 12 % от общего количества всех занятых заводскими работами¹², число же квалифицированных рабочих (мастеров, подмастерьев и т. п.) было еще меньше. Некоторые рабочие уже тогда достигали высокого мастерства, но это было не правилом, а редким исключением.

Основную массу (до 80—90 %) рабочих кадров составляли неквалифицированные рабочие, занятые ручным трудом. Они не выполняли одну какую-либо работу, а должны были, по усмотрению заводууправлений, по необходимости или по прихоти какого-нибудь надзирателя, работать в разных цехах и по разным производствам. «К работам... мастеровым,— писал современник,— невозможно было примениться... Например, человек работает сегодня что-нибудь топором; завтра посылают его в железоплавильную фабрику; через месяц или через два — в доменную; потом на добычу или промывку медной руды и т. п. Таким образом, мастеровой в течение своей жизни переделает все и ничему не научится...»¹³.

Частая смена работ снижала производительность труда, не давала возможности рабочим приобрести определенные производственные знания и трудовые навыки, но была удобна для заводууправлений, так как позволяла свободно маневрировать рабочей силой.

В горнозаводской промышленности Урала, ввиду тяжелых и опасных условий работы у раскаленного металла и в рудниках, в основном использовался труд взрослых мужчин, а также подростков и детей мужского пола. Детский труд был законодательно санкционирован в качестве обязательного: рядом законодательных актов, закрепленных в Уставе горном (1842,

¹² Черкасова А. С. Указ. соч. С. 137.

¹³ Северский житель. Несколько слов о жителях Северского горного завода во время пребывания их в зависимости гг. заводладельцев...// Пермские губернские ведомости, 1863. 1 февраля. № 5. С. 18.

1857), предписывалось детям мастеровых, непременных и урочных работников мужского пола, достигшим 12-летнего возраста выдавать провиант в том же размере, что и взрослым работникам, и употреблять их в работы «соответственно их силам». В 50-х гг. XIX в. на уральских заводах дети и подростки составляли от трети до половины всех рабочих, на рудниках — от 40 до 85 %¹⁴.

Женский труд применялся в очень небольших размерах. Из 87 обследованных в 1807—1809 гг. заводов женщины в той или иной степени привлекались на заводские и рудничные работы только на 15 заводах (17 % общего их числа)¹⁵. В 50-е гг. XIX в. женский труд использовался уже в более значительных размерах, но только в форме вольнонаемного и главным образом на куренных работах и на золотых приисках, где женщины составляли около 10 % всех приисковых рабочих.

Основную массу уральских рабочих со времени возникновения в крае горнозаводской промышленности составляли русские, однако в дальнейшем в их ряды стали вливаться представители других народностей. Аборигенное население (башкиры, татары удмурты, коми и др.) все в большем числе вовлекалось во вспомогательные работы на заводах (рубка дров, перевозка грузов и т. п.) и работы на золотых приисках¹⁶.

Крепостные мастеровые, непременные и урочные работники лишены свободы передвижения и свободы продажи своей рабочей силы, подвергались жестокому внеэкономическому принуждению.

Продолжительность рабочего дня почти всецело обуславливалась физическими возможностями. В горячих («огненных») цехах обычно устанавливались работы в две смены по 12 час. Такой рабочий день в этих цехах уже тогда считался предельным. В остальных цехах и на вспомогательных работах, а также на рудниках и приисках продолжительность рабочего дня, как правило, определялась светлой частью суток — с восхода солнца до его захода — и составляла: зимой 6—9 час., весной и осенью 8—12, летом 13—14 час. На рудниках и приисках в случае невыполнения установленного «урока» во избежание наказания рабочий должен был работать до его выполнения, даже ночью на заготовке древесного угля и дров («куренных работах») — работать в праздники и воскресные дни¹⁷.

Несмотря на продолжительный рабочий день, интенсивности труда была невелика: на вспомогательных, рудничных и прииско-

¹⁴ Гаврилов Д. В. Указ. соч. С. 78.

¹⁵ Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII-XIX вв. Сб. док. материалов. Свердловск, 1956. С. 154-293.

¹⁶ Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1955. Т. 1. Ч. 2. С. 197-200, 381-382, 440-442, 474.

¹⁷ Там же. С. 310, 440, 446; Пажитнов К. А. Продолжительность рабочего дня в горнозаводской промышленности при крепостном праве // Архив истории труда в России. Пг., 1922. № 2. С. 19-24.

вых работах в летнее время в течение дня устраивали 3 перерыва — для завтрака (0,5 час.), обеда (2,5 час.) и ужина (0,5 час.). Существовало большое количество праздников: кроме 52 воскресений, отмечались 38 обязательных праздничных дней, а также местные праздники. Летом рабочие отпускалились на полевые работы (так называемую «страду») на срок от 20—30 дней до 2 месяцев. Число рабочих дней в году на заводах редко превышало 250, на рудниках и приисках — 125. На казенных заводах в середине 50-х гг. XIX в. мастеровой должен был отработать в году 250 дней, урочный работник: конный — 200, пеший — 125 дней¹⁸.

Важной, а на многих заводах — главной формой вознаграждения мастеровых, непременных и урочных работников за их труд была выдача «провианта» (ржаной муки) на работника и членов его семьи. Денежная плата на большинстве заводов была ничтожна. На казенных заводах по штатам 1847 г. мастеровые получали от 3 до 8 коп. в день, или 7,5—20 руб. в год, урочные работники — от 3 до 4 коп. в день, или 7,5—10 руб. в год, мастера и низшие служащие — от 36 до 72 руб. в год¹⁹. На частных заводах уровень оплаты, как правило, был ниже, и рабочие многих заводов требовали перевода их на «казенные штаты».

Выдача провианта (на взрослых членов семьи — по два пуда, на детей — по одному пуду ржаной муки ежемесячно) на казенных заводах была безденежной и обязательной. На частных заводах провиант выдавался: на одних безденежно, на других по пониженной цене, на третьих по «заготовительной» стоимости, на четвертых рабочие должны были его покупать сами по рыночной цене. Там, где провиант выдавался безденежно, заработные платы были очень низкими; где он отпускался за уменьшенную или заготовительную цену или покупался самими рабочими, заработные платы были выше, но большая часть их уходила на оплату или покупку провианта²⁰.

В 50-х гг. XIX в. годовой заработок уральского горнорабочего, включая стоимость провианта, составлял от 20—28 до 40—48 руб., в среднем примерно 30—35 руб. В острогах Пермской губернии в те годы содержание арестантского семейства стоило почти столько же. Из этого видно, что жизненный уровень подавляющего большинства уральских горнорабочих в то время был чрезвычайно низким, нищенским²¹.

На заводах, рудниках и промыслах существовала суровая дисциплина, поддерживаемая жестокими телесными наказаниями. В ход шли розги, палки, цепи и кандалы. Наиболее строп-

¹⁸ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. 1. Ч. 2. С. 521, 573; Блиннов М. Указ. соч. С. 43.

¹⁹ Гессен Ю. И. История горнорабочих СССР. М., 1926. Т. 1. С. 193.

²⁰ Попов Р. С. Горнозаводский Урал // Отечественные записки. СПб. 1874. № 12. С. 338.

²¹ Гаврилов Д. В. Указ. соч. С. 214-215.

тивных отправляли в рудники на подземные работы. На казенных заводах с 1834 г. был установлен военный режим, мастерские приравнивались к солдатам, делились на команды, возглавляемые офицерами, судились военным судом²².

Жестокая палочная дисциплина дополнялась системой патернализма, призванной доказать «отеческую» заботу заводо-владельцев о своих крепостных, обеспечить лояльные отношения между мастерскими, неперемненными и урочными работниками и заводской администрацией.

Заводовладельцы бесплатно отпускали мастерским, неперемненным и урочным работникам лес и отводили участки для строительства домов. Поэтому большинство горнорабочих имели собственные дома с приусадебными участками. Это были по большей части небольшие односрубные избы с маленькими окнами, двухскатной из драницы или теса крышей. Однако часть мастерских своих домов не имела и вынуждена была снимать комнаты или углы. На некоторых заводах, а также рудниках и приисках часть рабочих жила в землянках и заводских казармах²³.

Заводовладельцы предоставляли мастерским, неперемненным и урочным работникам в бесплатное пользование земельные участки под покосы и пашню. По законоположениям, вошедшим в Устав горный, мастерские получали по 2 дес. сенокосной земли на каждого «полного» (взрослого) работника, а неперемненные и урочные работники — по 5 дес. удобной для пашен и сенокосов земли на каждую мужскую душу. Им разрешалось расчищать от леса и кустарников участки под покосы и пашню и пользоваться ими пожизненно²⁴.

Большую часть земельных угодий горнозаводского населения составляли усадьбы, выгоны и покосы. В северных уездах Вятской и Пермской губерний и в районе Главного Уральского хребта ввиду сурового климата и каменистых почв горнозаводское население хлебопашеством совсем не занималось. Но и там, где позволяли природные условия, им занималась лишь небольшая его часть. Так, у горнозаводского населения Нижне-Тагильских, Верх-Исетских и Ирбитского заводов в 50-х гг. XIX в. из 16 448 домохозяев имели покосы 9852 (59,9 %), покосы и пашни 351 (2,1 %), только одни усадьбы (и то не все) 6245 (38 %) ²⁵.

²² Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 82-86.

²³ Крулянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971. С. 106.

²⁴ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. VII. Ст. 427, 428, 431.

²⁵ Трефилова Л. А. Землепользование горнозаводского населения посессионных заводов Пермской губернии в предреформенный период // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 224.

Большинство мастеровых, непременных и урочных работников имели коров и другой домашний скот, а значительная часть мастеровых и почти все непременные и урочные работники еще и лошадей.

Собственный дом, огород, покос, иногда (очень редко) также и пашня, домашнее хозяйство служили для горнорабочих существенным подспорьем к их скудным заработкам и фактически играли роль дополнительной заработной платы, выплачиваемой в натуральной форме.

Мастеровые, непременные и урочные работники получали бесплатно дрова на отопление своих жилищ, бесплатно или за пониженную плату — необходимые им лесные материалы (бревна, жерди, колья), пользовались бесплатным лечением и бесплатным обучением (там, где имелись заводские больницы и школы), могли получить за незначительные проценты ссуды, в казенных и некоторых частных округах им предоставлялись небольшие пенсии по старости или в случае потери трудоспособности.

Существенными элементами патерналистской системы были строительство заводоладельцами в заводских поселках церквей за свой счет, дарение икон и различных священных реликвий, торжественные встречи изредка приезжавших на свои заводы владельцев, ежегодно устраиваемые за счет заводоладельцев для всех рабочих в день рождения заводоладельца или в какой-нибудь праздник торжественные обеды. В такой день останавливались все работы. Утром жители в праздничных одеждах шли в церковь, а затем сразу несколько тысяч мужчин (без женщин) садились за приготовленные под открытым небом обеденные столы и начиналось «столованье» — пир. Всем раздавались большими порциями пироги, щи, жареная говядина и после каждого кушанья — вино и пиво²⁶. Такие обеды должны были демонстрировать «единство» интересов рабочих и заводоладельцев.

Особый характер труда и особый быт заводских мастеровых, коренным образом отличавшиеся от крестьянского, создали своеобразный социальный тип горнозаводского крепостного рабочего, обладавшего особыми качествами, особым общественным сознанием и особой психологией.

Среди мастеровых наметился отход от большой патриархальной, неразделенной семьи, типичной для крестьян того времени, к малой нуклеарной семье. По уровню грамотности и образования мастеровые заметно выделялись в положительную сторону на фоне остальной массы крестьянского населения. В 1840 г. П. И. Мельников писал, что на заводах Пермской губернии

²⁶ Мельников П. И. Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. СПб., 1840. Т. 12, № 9. Отд. 7. С. 4-5.

«умеющий читать и знающий арифметику...— вещь очень обыкновенная, ... в больших заводах арихметчика встретите в каждом доме»²⁷. В 50-х гг. XIX в. среди горнозаводских мастеровых грамотные составляли 7—10 %, среди крестьянства 2—3 %²⁸.

Мастеровые даже по своему внешнему виду отличались от крестьян: со времен Петра I брили бороду, в праздничные дни одевали городскую одежду — кафтаны из фабричного сукна, драповые пальто, круглые шляпы и т. п., и по облику больше напоминали городских мещан.

В прединдустриальный период, в XVIII — первой половине XIX вв., социальный состав рабочих кадров уральской горнозаводской промышленности был весьма неоднородным, очень пестрым. Люди различных социальных категорий, различными путями оказывавшиеся в числе мастеровых и рабочих людей, первое время составляли особые группы, различавшиеся по социальному происхождению и правовому положению (казенные, вотчинные, купленные, вечноотданные, приписные и т. п.). В результате последовательно и неуклонно проводившегося феодальным правительством курса на закрепощение трудящихся масс все они были постепенно превращены в горнозаводских крепостных, а имевшиеся между ними различия сгладились, нивелировались и исчезли или были законодательно ликвидированы.

В 20—50-х гг. XIX в., вместо многочисленных прежних групп установилось деление всех горнозаводских крепостных на две основные категории: мастеровых и непременных, урочных работников, различавшихся своими правами и обязанностями по отношению к заводам. Мастеровые, как правило, имели только усадебные участки и покосы и весь год должны были заниматься заводскими работами. Непременные и урочные работники, имея полевой надел, должны были исполнять на заводах вспомогательные работы.

Таким образом, в прединдустриальный период в результате приписки правительством к горным заводам государственных крестьян, переселения крепостных из центральных губерний, отправки на заводы рекрутов, преступников, бродяг и т. п., закрепощения добровольно пришедших на заводы «пришлых», «сходцев», беглых, старообрядцев-раскольников, беспаспортных и т. п. на Урале сложился многочисленный слой прикрепленного к заводам населения, главным занятием которого стала работа на металлургических заводах и рудниках.

Мастеровые, непременные и урочные работники составили особое сословие горнозаводских крепостных людей, обязанных выполнять на предприятиях горнозаводской промышленности цеховые и вспомогательные работы и пользовавшихся определенными государственными льготами: они не платили подушную

²⁷ Там же. Т. 9. № 3. Отд. 7. С. 2.

²⁸ Гаврилов Д. В. Указ. соч. С. 126.

подать, освобождались от рекрутской и ряда других натуральных повинностей и т. п.

Подневольная, тяжелая и опасная, плохо оплачиваемая работа на горных заводах и рудниках была непрестижной, считалась почти каторжной. Производительность труда была низкой, производство носило экстенсивный характер, технические усовершенствования внедрялись очень медленно. После бурного роста в XVIII в. уральская металлургия в первой половине XIX в. переживала длительный застой и кризис. К концу прединдустриального периода оборудование на большинстве заводов было ветхим, морально устаревшим.

В середине XIX в. уральская металлургия, все еще базировавшаяся почти всецело на крепостном труде, по технико-экономическим показателям значительно уступала шведской, основанной на труде вольнонаемных рабочих и мелких собственников — свободных бергманов, интегрированных в чугуноплавильное и железоделательное производство.

Экономическая невыгодность и неэффективность крепостного труда была одной из главных причин, заставившей правительство отменить в 1861 г. крепостное право, что привело к ломке старой феодально-крепостнической структуры уральского горнозаводского хозяйства, положило начало капиталистической перестройке горнозаводских вотчин, создало более благоприятные условия для развития технической революции, массового внедрения паровых машин, бессемерования, мартенования, строительства железных дорог и открыло новый, индустриальный период в развитии уральской металлургии, который потребовал иной ее социальной организации.